

Полицейская и следственная деятельность

Правильная ссылка на статью:

Багандова Л.З. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны как состав преступления по российскому законодательству: дискуссионные аспекты // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.2.73609 EDN: YULAXX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73609

Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны как состав преступления по российскому законодательству: дискуссионные аспекты

Багандова Лейла Закировна

ORCID: 0000-0001-5060-9015

Младший научный сотрудник научно-организационного отдела; Институт государства и права
Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, каб. 207

✉ leyla.bagandova@mail.ru

[Статья из рубрики "Международное полицейское сотрудничество"](#)

DOI:

10.25136/2409-7810.2025.2.73609

EDN:

YULAXX

Дата направления статьи в редакцию:

07-03-2025

Дата публикации:

12-06-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является состав преступления, закрепленный в ст. 354 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор обращает внимание, что данное преступление не ново для уголовного законодательства России: уголовная ответственность за пропаганду агрессии уже была предусмотрена в советском законодательстве: ее введение состоялось после Великой Отечественной войны. В статье приводится рассмотрение и анализ указанного состава преступления, а также поднимается ряд проблемных вопросов, таких как отграничение от института соучастия, отличия пропаганды от публичных призывов, характеристика квалифицированных составов. Отдельно автор обращается к проблеме квалификации публичных призывов в информационном пространстве, в том числе и с использованием сети "Интернет", так как

большое распространение сейчас получают специальные графические изображения – символы-эмодзи. При подготовке исследования автором использовались формально-юридический, исторический, сравнительный методы, а также методы анализа, дедукции, индукции. Основными выводами проведенного исследования является: под публичными призывами к развязыванию агрессивной войны понимаются выраженные в любой форме высказывания, направленные на возбуждение у неопределенного круга лиц намерения развязывания агрессивной войны. При этом призывы должны быть конкретными: из их формы должно быть однозначно понятны действия, к которым призывает виновный, в связи с этим эмодзи-символы без текстового сопровождения не могут представлять собой призыв к совершению чего-либо. Научная новизна труда заключается также в том, что автор выявил различия в понятиях "пропаганда агрессии" и "публичные призывы к развязыванию агрессивной войны" для разрешения вопросов о содержании объективной стороны последнего. Состав преступления является формальным – преступление окончено с момента публичного призыва вне зависимости от результата.

Ключевые слова:

публичные призывы, пропаганда агрессии, агрессивная война, цифровое пространство, эмодзи-символы, соучастие, агрессия, преступления агрессии, графические изображения, развязывание войны

Обеспечение международного мира и безопасности одна из ключевых задач как национального, так и международного права. Исторические события XX века наглядно продемонстрировали необходимость выработки глобальных правовых механизмов, способных предотвратить военные конфликты. Современное международное право осуждает агрессивную войну как тягчайшее преступление против мира и безопасности человечества. Данная позиция впервые была закреплена в Приговоре Нюрнбергского Трибунала (далее по тексту – Приговор), а позднее нашла свое отражение в ряде других международных договоров. Опираясь на данные документы, российское уголовное право предусматривает уголовную ответственность за преступления агрессии, а именно планирование, подготовку, развязывание, ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ) и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ). В качестве отдельного состава преступления законодатель выделил публичные призывы к развязыванию агрессивной войны именно для того, чтобы уголовно-наказуемыми считались не только деяния, непосредственно ведущие к войне, но и те действия, которые идеологически подталкивают население и государство на совершение тягчайшего преступления против мира и безопасности человечества.

Научная новизна настоящего исследования заключается во всестороннем рассмотрении проблематики данного состава преступления с учетом конкуренции Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, активных процессов цифровизации и информатизации, в связи с которыми могут произойти изменения форм публичных призывов к развязыванию агрессивной войны, а также сравнительном правовом и лингвистическом анализе синонимичных терминов «пропаганда» и «публичные призывы» для правильной квалификации тех или иных действий по ст. 354 УК РФ. Настоящей темой занимались также Э.Л. Сидоренко, А.Г. Кибальник, А.И. Чучаев и другие.

Во время Второй Мировой и Великой Отечественной войн фашистское правительство вело активную пропагандистскую деятельность по распространению нацистской идеологии и убеждению в ее исключительной правильности. В Приговоре отмечалось,

что «В Германии был учрежден целый ряд официальных агентств, в обязанность которых входило осуществление контроля и оказание влияния на прессу, радио, кино, издательства и т. д. и надзор за развлечениями, искусством и культурой. Все эти официальные агентства были подчинены министерству народного просвещения и пропаганды, возглавлявшемуся Геббельсом, которое вместе с соответствующей организацией в НСДАП и с имперской палатой культуры несло полную ответственность за осуществление этого надзора» (Приговор Международного Военного Трибунала [Электронный ресурс] // URL: https://www.baikproc.ru/nurnberg/4_prigovor.PDF (дата обращения: 10.03.2025)).

Впервые деяние по идеологической поддержке начала агрессивной войны было криминализировано сразу после Великой Отечественной войны. В марте 1951 года Верховный Совет СССР принял Закон о защите мира, объявивший пропаганду войны тягчайшим преступлением. Уголовная ответственность в дальнейшем была установлена законом 1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления и уголовными кодексами союзных республик». Впервые уголовная ответственность за пропаганду (т.е. призывы к войне) была закреплена в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года (далее – УК РСФСР). Объективная сторона данного состава преступления выражалась в распространении взглядов о необходимости развязывания войны, призывах к войне как против СССР, так и против других государств устно, письменно, с помощью изобразительных средств, радио или в любых иных формах.

Позднее законодатель оставил данный состав преступления и в Уголовном кодексе Российской Федерации, однако допустил ряд его изменений. Основным непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность между государствами. В качестве дополнительных объектов могут рассматриваться общественные отношения по соблюдению основ конституционного строя Российской Федерации, международный правопорядок.

Объективная сторона характеризуется публичными призывами к развязыванию агрессивной войны. Применительно к данной статье отсутствует специальное определение рассматриваемого понятия, однако в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» содержится определение понятия "публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности" – это выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности (п. 4) (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в ред. от 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс»). Мы полагаем, что в данном случае возможно трактовать публичные призывы в целях применения ст. 354 УК РФ так же с поправкой на направленность призывов: в рассматриваемой ситуации – это обращения с целью побудить иных лиц к развязыванию агрессивной войны.

Призывы могут быть выражены в различных формах: устной, письменной, аудиовизуальной (например, лозунги, статьи, видеоролики). Дискуссионным является вопрос о возможности выражения призывов исключительно в форме эмодзи-символов. Э.Л. Сидоренко придерживается точки зрения о том, что «эмодзи, особенно в его современном - анимационном – выражении, не будучи речевым символом, может тем не

менее побуждать к определенным действиям» [11]. Автор при этом выделяет характеристики для эмодзи-символов, наличие которых допускает квалификацию использования эмодзи как призыва к совершению преступных действий: однозначность понимания и наличие маркеров призыва.

На наш взгляд, для решения настоящего вопроса необходимо обратиться к лингвистической природе понятия «эмодзи». Cambridge Dictionary определяет данное понятие как «цифровое изображение, добавляемое к сообщению в электронном формате для выражения определенной мысли или идеи» Emoji [Электронный ресурс] // URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/emoji> (дата обращения: 19.02.2025). Б. Циммер подчеркнул, что даже при самом широком толковании понятия «эмодзи» невозможным представляется приравнивать его к слову (Emoji [Электронный ресурс] // URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/emoji> (дата обращения: 19.02.2025)). Мы также придерживаемся точки зрения, что эмодзи и пиктограммы другого рода (смайлы) не заменяют собой слова в письменной речи, они созданы для придания сухой письменности эмоционального окраса. Понимание эмодзи-сообщения зависит от типа используемой технологической платформы. Несмотря на существование кодировки unicode, которая является стандартом, позволяющим компьютерам и мобильным телефонам использовать одинаковую графику, но некоторые приложения и платформы переводят эмодзи по-разному. на каждой платформе есть свой набор эмодзи, которые отличаются по значению, дизайну и назначению. Платформа асh разрабатывает эмодзи, которые визуально похожи, но различаются по значению, благодаря чему иконка выглядит по-разному для разных пользователей [12].

Юридическая значимость эмодзи не получила однозначного признания и в судебной практике. Так, Арбитражный апелляционный суд постановил, что «эмодзи одобрения в обычно принятом и распространенном понимании при общении посредством электронной переписки означает "хорошо"» (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2023 г. № 15АП-8889/2023 по делу № А32-36944/2022 // СПС «КонсультантПлюс»). В другом случае суд не признал эмодзи юридически значимым действием, пояснив, что «направление поставщиком покупателю только фотографии и получение в ответ эмодзи "Большой палец вверх" нельзя признать сложившейся между сторонами договора практикой уведомления о готовности товара к отгрузке» (Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2023 г. N 02АП-5712/2023 по делу № А28-2634/2023 // СПС «КонсультантПлюс»).

Использование в комментариях в сети или групповых чатах только определенных эмодзи без текстового сопровождения до или после не может, по нашему мнению, расцениваться как призыв к совершению преступных действий, в частности, к развязыванию агрессивной войны. Призывы должны быть конкретными и направленными на развязывание именно агрессивной войны, а из содержания эмодзи-переписки невозможно сделать вывод об однозначности намерений автора сообщений или комментариев. При этом использование эмодзи в публичных чатах или группах позволит правоприменительным органам определить отношение лица к происходящему, тем самым установить умысел на совершение преступления.

Таким образом, формами выражения публичных призывов к развязыванию агрессивной войны являются устная или письменная речь, выраженная в виде слов или словосочетаний, которые выражают однозначное желание лица возбудить у иных лиц желание к развязыванию агрессивной войны.

Призывы к развязыванию агрессивной войны должны быть совершены публично.

Публичность предполагает собой обращение к широкому кругу лиц через «отсутствие частного характера» [\[3\]](#), то есть вне рамок личной беседы или переписки. Мы разделяем точку зрения А.Г. Кибальника и А.Ю. Иванова, которые не рассматривают «персонифицированность» по отношению к субъекту преступления лиц, среди которых совершается деяние, основополагающим при определении публичности [\[4, с. 60\]](#). Это означает, что для квалификации деяния как публично совершенного не важным является факт знакомства субъекта преступления с этими лицами, а также знание им количества людей, среди которых оно осуществляет свою преступную деятельность. Правильное толкование данного признака необходимо для установления верной квалификации преступления как оконченного. Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.).

Рассматриваемый состав преступления сконструирован по типу формального: преступление является оконченным с момента выражения призыва публично вне зависимости от наступления последствий.

Для квалификации того или иного деяния именно в качестве публичного призыва к развязыванию агрессивной войны необходимо одновременное наличие признаков, которые были рассмотрены выше, а также направленность призывов именно на развязывание агрессивной войны. Развязывание агрессивной войны означает начало конкретных действий по ее ведению, начало совершения акта агрессии. При этом лицо, совершая такое действие, должен иметь целью дальнейшее ведение агрессивной войны. Современная правоприменительная практика свидетельствует об осторожном использовании данной нормы – по данным судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за последние 7 лет ни одно лицо не было осуждено по соответствующей норме. При этом в 2014 году было возбуждено уголовное дело в отношении иностранного гражданина в связи с высказыванием о необходимости развязывания агрессивной войны с Россией путем ведения диверсионно-партизанских действия на территории Российской Федерации, в том числе в Республике Крым (Решение Верховного Суда РФ от 17.11.2014 по делу № АКПИ14-1292С). Таким образом, при решении вопроса о квалификации правоприменителю необходимо должным образом проанализировать суть публичного призыва, учитывая характеристику состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 353 УК РФ.

Как было упомянуто выше, в УК РСФСР была закреплена похожая норма, запрещающая пропаганду войны в любом виде. В связи с этим в доктрине ведется дискуссия о тождественности понятий «пропаганда войны» и «публичные призывы к развязыванию войны». Н. А. Лопашенко приравнивает данные понятия [\[5\]](#). Д.В. Лобач, напротив, полагает, что на современном этапе все чаще осуществляются скрытые формы психологического воздействия на сознание человека, а не только прямые обращения, которые охватываются публичными призывами [\[6\]](#). Р.В. Дзейтова, рассуждая о различиях пропаганды и публичных призывов приходит к выводу, что пропаганда может осуществляться не только публично, а скрыто влиять на психологическое и ментальное сознание людей, прививая им необходимые для целей пропаганды взгляды и убеждения [\[7\]](#).

Пропаганда войны – это систематическое распространение информации, идей и убеждений, направленных на поддержку военных действий и мобилизацию

общественного мнения в пользу войны. Основной целью пропаганды является создание положительного имиджа войны, оправдание ее необходимости, укрепление морального духа населения и вооруженных сил государства. При пропаганде используются различные средства массовой информации, такие как газеты, радио, телевидение, интернет, а также художественная литература, кино и искусство. Пропаганда может включать в себя манипуляции, искажение фактов и эмоциональные обращения. Пропаганда, как правило, имеет широкий охват и направлена на массовую аудиторию.

Публичные призывы к войне, в свою очередь, представляют собой конкретные обращения или заявления, которые призывают к началу военных действий или поддержке войны. Целью публичных призывов может быть мобилизация людей для участия в войне, поддержка конкретных военных действий или изменение общественного мнения в пользу войны. Публичные призывы могут быть сделаны через выступления, митинги, публикации в СМИ, социальные сети и другие формы коммуникации. С публичными призывами возможно обращаться как к массовому скоплению людей, так и адресно, влияя на определенные группы людей.

На наш взгляд, рассматриваемые дефиниции не тождественны. Пропаганда не представляет собой действия, побуждающие развязать что-либо. Это лишь влияет на формирование идеологических представлений о состоянии войны: у адресатов пропаганды формируется иное мнение о феномене войны, она предстает как допустимая и корректная форма для разрешения существующего конфликта. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны напротив имеют в основе побуждение к конкретному действию. Таким образом, хотя пропаганда войны и публичные призывы к войне могут пересекаться и дополнять друг друга, они имеют свои уникальные характеристики и функции в контексте военных конфликтов. В связи с этим представляется правильным вывод о том, что пропаганда, направленная на возбуждение желания развязать или вести агрессивную войну, входит в состав деяния «подготовка агрессивной войны». Так, Приговор определяет труд А. Гитлера «Майн Кампф» как подготовку к агрессивной войне, так как «Скорее можно сказать, что содержание этой книги объявлялось с крыш домов. Эта книга использовалась в школах и университетах, среди гитлеровской молодежи, в СС и СА и вообще среди германского народа, вплоть до того, что один экземпляр этого издания вручался в качестве подарка всем молодоженам. ... Снова и снова Гитлер проповедовал в ней свое убеждение в необходимости применять силу в качестве средства разрешения международных проблем» (Приговор Международного Военного Трибунала [Электронный ресурс] // URL: https://www.baikproc.ru/nurnberg/4_prigovor.PDF (дата обращения: 10.03.2025)).

Субъектом состава преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. С субъективной стороны состав является умышленным: допустим только прямой умысел: лицо осознает общественную опасность своих действий и желает их совершения.

В ч. 2 рассматриваемой статьи содержится квалифицированный состав преступления. Уголовная ответственность усиливается, если призывы совершены: с использованием средств массовой информации или лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации. Согласно ст. 2 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. (в ред. от 23 ноября 2024 года) «О средствах массовой и информации» № 2124-1 «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная

форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» (Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. (в ред. от 23 ноября 2024 года) «О средствах массовой информации» № 2124-1 // Российская газета. 1992. № 32.). Ряд исследователей полагают, что по данной части могут быть квалифицированы и публичные призывы, совершенные в сети Интернет [8, 9].

Как средство массовой информации при определенных условиях может рассматриваться и Интернет. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» установило, что в случае, если не соответствующие действительности порочащие сведения были размещены в сети Интернет на информационном ресурсе, зарегистрированном в установленном законом порядке в качестве средства массовой информации, при рассмотрении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо руководствоваться нормами, относящимися к средствам массовой информации (БВС. 2005. № 4.). При этом «используемые Интернет-ресурсы чаще всего не являются с точки зрения закона средствами массовой информации» (Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1050812-7> (дата обращения: 19.02.2024 г.), так как не отвечают признакам периодичности и не зарегистрированы как средства массовой информации. В частности, преступления, связанные с публичными призывами или пропагандой, часто совершаются в социальных сетях, которые, в свою очередь, так же не относятся к средствам массовой информации. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо внести изменения в диспозицию настоящей статьи в части закрепления в ней признака совершения публичных призывов к развязыванию агрессивной войны в сети «Интернет».

Дискуссионным вопросом является соотношение призывов к совершению преступных действий и института соучастия, в частности, действий подстрекателя. В трудах Ф.Г. Бурчака [10], А.В. Шеслера [11], А.Ю. Решетникова содержится позиция о том, что «призывы можно рассматривать как один из способов подстрекательства к преступлению» [12]. Ю. Е. Пудовочкин отмечает, что сущность призывов, как в случае, если они осуществляются подстрекателем в адрес конкретного лица, так и в случае, когда призывы составляют объективную сторону определенного состава преступления, заключается в том, что это психическое воздействие на волю другого лица [13]. Иной позиции придерживается А.И. Чучаев. Он полагает, что возбуждение решимости совершить то или иное преступление возможно только у конкретного лица. Этим подстрекательство и отличается от отдельных составов преступлений, посвященных публичным призывам к совершению преступных деяний (ст. ст. 280, 354) [14]. Мы придерживаемся последней точки зрения. Действительно, сущность подстрекательства состоит в побуждении конкретного лица к совершению преступного действия, об этом свидетельствует и законодательная формулировка: «Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом» (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Подстрекательству не присущи признаки массовости и неопределенности круга адресатов. Публичные призывы, в свою очередь, имеют иную правовую природу и характерные черты. Степень конкретизации действий, к которым побуждает виновный, при публичных призывах ниже, чем при подстрекательстве, но это не означает, что такая конкретизация может отсутствовать вовсе: из обращения должно следовать, к какого рода деяниям происходит склонение.

Таким образом, под публичными призывами к развязыванию агрессивной войны понимаются выраженные в любой форме высказывания, направленные на возбуждение у неопределенного круга лиц намерения развязывания агрессивной войны. При этом призывы должны быть конкретными: из их формы должны быть однозначно понятны действия, к которым призывает виновный, в связи с этим эмодзи-символы без текстового сопровождения не могут представлять собой призыв к совершению чего-либо по причине отсутствия должной степени конкретизации воли отправителя. Автор пришел к выводу, что отсутствие в ч. 2 ст. 354 УК РФ указания на сеть Интернет приводит к неточной квалификации таких деяний по ч. 1 ст. 354 УК РФ, хотя характер и степень общественной опасности публичных призывов к развязыванию агрессивной войны в сети Интернет гораздо выше. В результате анализа доктрины и нормативных положений мы также пришли к выводу, что институт соучастия в данном контексте не применим, так как имеет собственную сложную структуру и назначение, куда действия по публичным призывам не относятся. Термины "пропаганда" и "публичные призывы" не являются тождественными, в связи с чем, на наш взгляд, при пропаганде развязывания агрессивной войны деяние будет квалифицироваться как подготовка к агрессивной войне (ч. 1 ст. 353 УК РФ). Состав преступления является формальным – преступление окончено с момента публичного призыва вне зависимости от результата. Таким образом, дальнейшее изучение настоящей нормы является важным для формирования корректной и единообразной правоприменительной практики для выполнения задачи по обеспечения мира и безопасности человечества

Библиография

1. Сидоренко Э.Л. Эмодзи-преступления: типология и алгоритмы квалификации // Мировой судья. 2024. № 4. СПС "КонсультантПлюс". DOI: 10.18572/2072-4152-2024-4-14-19. EDN: ARRNVI.
2. Alhendi N., Baniamer A., Alsalamat N., Salameh M., Alanazi N. Emoji crimes on social media applications // Cogent Social Sciences. 2024. Т. 10, № 1. С. 2-3. DOI: 10.1080/23311886.2024.2374421. EDN: DGAKYD.
3. Егорова Н.А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 496. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).494-503. EDN: UIUENT.
4. Кибальник А.Г. Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества: монография / А.Г. Кибальник, А.Ю. Иванов. – Москва: Юрлитинформ, 2019. EDN: YUIPMD.
5. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник: в 3 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: 2014. Т. 3. С. 554.
6. Лобач Д.В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 128. EDN: XCZBDX.
7. Дзейтова Р.Б. Запрет пропаганды войны в международном и российском праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 3(63). С. 265-272. DOI: 10.46741/2686-9764.2023.63.3.004. EDN: MXEAWP.
8. Уголовное право: Особенная часть: учебник / под ред. В.Б. Боровикова. – Москва: 2025. С. 469.
9. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2014. 736 с. EDN: XRVWZB.
10. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. – Киев: 1986. С. 148-149.
11. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые

аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 299-300. EDN: NLTSFX.

12. Решетников А.Ю. Уголовно-правовая оценка призывной деятельности // Российский юридический журнал. 2019. № 3 (126). С. 83.

13. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства. – М.: 2009. С. 75. EDN: QQWZPP.

14. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Т. 2. Книга 1. Уголовный закон. Законодательная техника. Ответственность в уголовном праве. Состав преступления. Стадии совершения преступления. Соучастие в преступлении. / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – Москва: Проспект, 2024. С. 622.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, публичные призывы к развязыванию агрессивной войны как состав преступления по российскому законодательству. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Обеспечение международного мира и безопасности одна из ключевых задач как национального, так и международного права. Исторические события XX века наглядно продемонстрировали необходимость выработки глобальных правовых механизмов, способных предотвратить военные конфликты. Современное международное право осуждает агрессивную войну как тягчайшее преступление против мира и безопасности человечества. Данная позиция впервые была закреплена в Приговоре Нюрнбергского Трибунала (далее по тексту – Приговор), а позднее нашла свое отражение в ряде других международных договоров. Опираясь на данные документы, российское уголовное право предусматривает уголовную ответственность за преступления агрессии, а именно планирование, подготовку, развязывание, ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ) и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ). В качестве отдельного состава преступления законодатель выделил публичные призывы к развязыванию агрессивной войны именно для того, чтобы уголовно-наказуемыми считались не только деяния, непосредственно ведущие к войне, но и те действия, которые идеологически подталкивают население и государство на совершение тягчайшего преступления против мира и безопасности человечества". Ученым раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Настоящей темой занимались также Э.Л. Сидоренко, А.Г. Кибальник, А.И. Чучаев и другие".

Научная новизна работы, как указывает автор, "... заключается во всестороннем рассмотрении проблематики данного состава преступления с учетом конкуренции Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, активных процессов цифровизации и информатизации, в связи с которыми могут произойти изменения форм публичных призывов к развязыванию агрессивной войны, а также сравнительном правовом и лингвистическом анализе синонимичных терминов «пропаганда» и «публичные призывы» для правильной квалификации тех или иных действий по ст. 354 УК РФ". Она отражена в ряде заключений ученого: "Объективная сторона характеризуется публичными призывами к развязыванию агрессивной войны. Применительно к данной статье отсутствует специальное определение рассматриваемой

дефиниции, однако в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» содержится определение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности – это выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности (п. 4) (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в ред. от 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс»). Мы полагаем, что в данном случае возможно трактовать публичные призывы в целях применения ст. 354 УК РФ так же с поправкой на направленность призывов: в рассматриваемой ситуации – это обращения с целью побудить иных лиц к развязыванию агрессивной войны"; "Дискуссионным является вопрос о возможности выражения призывов исключительно в форме эмодзи-символов. Э.Л. Сидоренко придерживается точки зрения о том, что «эмодзи, особенно в его современном - анимационном – выражении, не будучи речевым символом, может тем не менее побуждать к определенным действиям» [1]. Автор при этом выделяет характеристики для эмодзи-символов, наличие которых допускает квалификацию использования эмодзи как призыва к совершению преступных действий: однозначность понимания и наличие маркеров призыва.

На наш взгляд, для решения настоящего вопроса необходимо обратиться к лингвистической природе понятия «эмодзи». Cambridge Dictionary определяет данное понятие как «цифровое изображение, добавляемое к сообщению в электронном формате для выражения определенной мысли или идеи» Emoji [Электронный ресурс] // URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/emoji> (дата обращения: 19.02.2025). Б. Циммер подчеркнул, что даже при самом широком толковании понятия «эмодзи» невозможным представляется приравнивать его к слову (Emoji [Электронный ресурс] // URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/emoji> (дата обращения: 19.02.2025)). Мы также придерживаемся точки зрения, что эмодзи и пиктограммы другого рода (смайлы) не заменяют собой слова в письменной речи, они созданы для придания сухой письменности эмоционального окраса. Понимание эмодзи-сообщения зависит от типа используемой технологической платформы"; "Использование в комментариях в сети или групповых чатах только определенных эмодзи без текстового сопровождения до или после не может, по нашему мнению, расцениваться как призыв к совершению преступных действий, в частности, к развязыванию агрессивной войны. Призывы должны быть конкретными и направленными на развязывание именно агрессивной войны, а из содержания эмодзи-переписки невозможно сделать вывод об однозначности намерений автора сообщений или комментариев. При этом использование эмодзи в публичных чатах или группах позволит правоприменительным органам определить отношение лица к происходящему, тем самым установить умысел на совершение преступления"; "На наш взгляд, рассматриваемые дефиниции не тождественны. Пропаганда не представляет собой действия, побуждающие развязать что-либо. Это лишь влияет на формирование идеологических представлений о состоянии войны: у адресатов пропаганды формируется иное мнение о феномене войны, она предстает как допустимая и корректная форма для разрешения существующего конфликта. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны напротив имеют в основе побуждение к конкретному действию. Таким образом, хотя пропаганда войны и публичные призывы к войне могут пересекаться и дополнять друг друга, они имеют свои уникальные характеристики и функции в контексте военных конфликтов. В связи с этим представляется правильным вывод о том, что пропаганда, направленная на возбуждение желания развязать или вести агрессивную войну, входит в состав деяния

«подготовка агрессивной войны»" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор рассматривает основные дискуссионные проблемы такого состава преступления, как публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Применительно к данной статье отсутствует специальное определение рассматриваемой дефиниции, однако в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» содержится определение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности – это выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности (п. 4) (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в ред. от 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс»)" - "Применительно к данной статье отсутствует специальное определение рассматриваемого понятия, однако в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» содержится определение понятия "публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности" – это выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности (п. 4) (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в ред. от 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс»)" (см. на стилистику).

Ученый отмечает: "Призывы могут быть выражены в различных формах: устной, письменной, аудиовизуальная (например, лозунги, статьи, видеоролики)" - "аудиовизуальной" (опечатка).

Автор указывает: "При этом призывы должны быть конкретными: из их формы должно быть однозначно понятны действия, к которым призывает виновный, в связи с этим эмодзи-символы без текстового сопровождения не могут представлять собой призыв к совершению чего-либо" - "должны быть" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и стилистические ошибки.

Библиография исследования представлена 14 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями, учебниками, научно-практическим пособием), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Э. Л. Сидоренко, Н. А. Лопашенко, Ф. Г. Бурчак и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, под публичными призывами к развязыванию агрессивной войны понимаются выраженные в любой форме высказывания, направленные на возбуждение у неопределенного круга лиц намерения развязывания агрессивной войны. При этом призывы должны быть конкретными: из их формы должно быть однозначно понятны действия, к которым призывает виновный, в связи с этим эмодзи-символы без текстового сопровождения не могут представлять собой призыв к совершению чего-либо. Состав преступления является формальным – преступление окончено с момента публичного призыва вне зависимости от результата"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества. Однако они не отражают всех научных достижений автора работы, и, следовательно, нуждаются в уточнении и конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, уточнении и конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны как состав преступления по российскому законодательству: дискуссионные аспекты» для опубликования в журнале «Полицейская и следственная деятельность». Статья посвящена анализу состава преступления, предусмотренного ст. 354 УК РФ, - публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Автор исследует дискуссионные аспекты квалификации таких призывов, включая их формы (например, эмодзи), отличие от пропаганды войны, а также вопросы публичности и соучастия.

Исследование основано на методе сравнительно-правового анализа в части сопоставления норм УК РФ и международного права; лингвистическом анализе в части интерпретации терминов «пропаганда» и «публичные призывы»; догматическом методе при толковании норм ст. 354 УК РФ и судебной практики; историческом подходе в части изучения эволюции норм от УК РСФСР до современного уголовного законодательства. Однако отсутствие эмпирических данных (например, анализа судебных решений по ст. 354 УК РФ) снижает доказательную базу.

Тема является актуальной в условиях цифровизации и роста информационных угроз. Статья затрагивает проблему квалификации новых форм призывов (эмодзи, интернет-контент), что соответствует вызовам современности. Однако, автор не рассматривает влияние социальных сетей как основного канала распространения таких призывов, что является существенным упущением. Новизна усматривается в анализе эмодзи как потенциальной формы призывов; разграничении понятий «пропаганда войны» и «публичные призывы»; предложении включить интернет-ресурсы в диспозицию ст. 354 УК РФ.

Стиль, структура, содержание в целом соответствуют предъявляемым требованиям. Так, стиль статьи научный, но местами избыточно описательный. Терминология корректна, но сложные формулировки могут затруднять восприятие. Структура логичная, но отсутствует раздел с практическими рекомендациями для правоприменителей. В содержании работы освещены ключевые аспекты, но не хватает анализа реальных практических кейсов

(уголовных дел по ст. 354 УК РФ). Список литературы обширен и включает актуальные источники (монографии, статьи, диссертационные исследования, уголовное законодательство разных лет, арбитражную судебную практику, практику военного трибунала и рекомендации Верховного Суда РФ). Автор полемизирует с позициями Э.Л. Сидоренко (эмоции как призывы), А.И. Чучаева (соучастие), Н.А. Лопашенко (тождество пропаганды и призывов). Критика аргументирована, но некоторые контраргументы (например, о непризнании эмоций) требуют дополнительных доказательств. Статья будет полезна юристам, правоприменителям и исследователям уголовного права. Однако отсутствие практических примеров снижает ее прикладную ценность.

Таким образом, статья требует некоторой доработки в части включения в нее конкретных практических кейсов по уголовным делам современного периода времени и уточнения практических рекомендаций.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны как состав преступления по российскому законодательству: дискуссионные аспекты»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих вследствие осуществления призывов к развязыванию агрессивной войны как состава преступления по российскому законодательству. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, правовая регламентация отношений в связи с публичными призывами к развязыванию агрессивной войны, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать методы сравнительного анализа, особенно в плане сопоставления формулировки статей 354 УК РФ и ст. 71 УК РСФСР; метод догматического анализа, способствовавший уяснению положений нормативных правовых и правоприменительных актов; исторический подход использовался для объяснения генезиса рассматриваемых с норм с учетом событий прежде всего Великой Отечественной и Второй Мировой войн.

Актуальность разработки заявленной темы не вызывает сомнений в свете празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Кроме того, вполне может потребоваться уголовно-правовая оценка заявлений некоторых общественных и политических деятелей в отношении России и её союзников, высказанные в последние годы. Всё это безусловно говорит о своевременности проведенного исследования.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором с учетом изменений в цифровой среде анализируются публичные призывы к развязыванию агрессивной войны как состав преступления по российскому законодательству. Кроме того, заслуживают внимания рассмотренные вопросы конкуренции Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, сравнительно-правовой и лингвистический анализ синонимичных терминов «пропаганда» и «публичные призывы» для правильной квалификации тех или иных действий по ст. 354 УК РФ, а также предложения по корректировке некоторых положений УК РФ.

Статья характеризуется в целом научным стилем изложения. Содержание в целом логично. Автору следует обратить внимание, что в работе, по всей видимости,

присутствует опечатка: «При этом лицо, совершая такое действие, должен ...».

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Работа представляется оригинальным и завершенным, исходя из возможного объема статьи, исследованием. Ощутимых недостатков статья не имеет.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет значительный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в уголовно-правовых исследованиях. Полагаю, что статья «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны как состав преступления по российскому законодательству: дискуссионные аспекты» может быть рекомендована к публикации.